

Лит. Россия, 1982, 22 авг. №4

ХРАНЯТСЯ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ

БЛИЗИЛОСЬ тридцатилетие героической обороны Одессы. Редколлегия сборника «Горизонт» местной писательской организации готовила очередной выпуск, посвященный знаменательной дате. Мне поручили связаться с Константином Михайловичем Симоновым и попросить у него хотя бы несколько страничек южного дневника, который писатель вел в осажденной фашистами Одессе летом 1941 года. Уже промелькнули сообщения, что Симонов готовит и эту часть дневника к печати.

Сохранилась копия письма, с которым 4 августа 1970 года я обратился к Константину Михайловичу. В нем, кроме просьбы о материале, была приписка «личного порядка»:

«Только что с большим интересом прочитал Ваши «Записки молодого человека» (речь шла о северном дневнике Симонова, появившемся тогда в издании «Молодой гвардии». — Г. З.). На стр. 84-й Вы вспоминаете украинского писателя Холыша. Кто он, этот человек? Какова его судьба?»

Дело в том, что все существующие справочники об украинских писателях и курсы украинской советской литературы о Холыше умалчивают.

Прошло несколько месяцев, а ответа от Симонова все не было. Оказалось, Константин Михайлович уехал в сражающийся Вьетнам, откуда рассчитывал вернуться лишь к концу года. Между тем производственный отдел издательства «Маяк» настаивал на сдаче «Горизонта» в набор. В конце концов так и сделали, решив, что материал Симонова, если он поступит, пойдет в типографию досылком.

На исходе была осень, когда Симонов прилетел в Москву, 29 ноября 1970 года он писал мне:

«...Простите, что отвечаю с таким опозданием.

Боюсь, что я не смогу быть полезным для сборника, о котором идет речь. Дело в том, что куски своих дневников того времени я уже публиковал в Одессе, в областной газете. Поэтому, это было лет пять тому назад.

Если это в какой-то мере может пригодиться — я буду только рад. А другого у меня ничего нет. В Одессе я снимался; снимок на всякий случай посылаю. На снимке этом, относящемся к концу августа или к началу сентября сорок первого года, — разговор с пленными румынами.

Судьбы Холыша я не знаю. Может быть, он и не был членом Союза писателей, но я помню, что это был пишущий человек, что о нем в Одессе говорили как о писателе... А человек он был очень славный. Я думаю, что если бы Вас заинтересовала его судьба, то ее можно было бы лучше всего узнать через Управление кадров Армии. Он был редактором окружной военной газеты в Архангельске, майором, кажется, (или) батальонным комиссаром, и, безусловно, в отделе кадров его судьба известна...»

Получив письмо, я тотчас же разыскал отрывки из симоновского дневника в одесской областной газете «Знамя коммунизма» за апрель 1964 года, перепечатал их и отправил автору на визу.

Спустя месяц, 16 января 1971 года, Симонов сообщал:

«...Получил ту перепечатку из газеты, которую Вы прислали, и сверил ее с соответствующими, отредактированными мною для последнего издания — с литературной точки зрения — своими документальными

записями сорок первого года. Посылаю Вам этот кусок, несколько расширенный и стилистически выправленный.

Если будете публиковать — прошу публиковать по этому посылаемому мною тексту. Так будет лучше...»

В пакете нашел я около двух десятков страниц машинописи и фотокарточку, взятую скорее всего из домашнего альбома. До этого снимок нигде не воспроизводился, а позже несколько раз появлялся в печати, совсем недавно — в «Дне поэзии. 1980».

Симоновский текст, с редакторской позиции, был идеален. Лишь чуть-чуть пришлось поправить, о чем я и сообщил Константину Михайловичу. Я попросил его также написать предисловие к книге участника обороны Одессы поэта Г. Поженяна «Тридцать лет спустя».

Симонов ответил:

«...Получил Ваше письмо.

С поправкой, разумеется, согласен. Буду рад увидеть этот сборник, когда он выйдет. Рад, что смог оказаться Вам полезным.

Насчет предисловия к книжке Поженяна. Он со мной говорил об этом по телефону, и я отказался писать предисловие по одной-единственной причине. После того, как я кончил свою военную трилогию, меня буквально засыпали предложениями писать предисловия, вступления, врезки, и так далее. Я сгоряча надавал обещаний, которые надо выполнять, а потом вдруг все-таки опомнился и дал слово до конца года не брать на себя писания новых предисловий ни при каких об-

стоятельствах, кроме уж совершенно исключительных, не предусмотренных...

Еще одно соображение..., которое, может быть, Вам пригодится. К такой книжке, как книжка Поженяна, когда человек был активным участником боев, самое лучшее предисловие к такой книжке — предисловие, в котором можно было бы связать поэзию с боями, мог бы написать один из активных участников обороны, во всяком случае, не менее активных, чем сам автор книжки, чтобы он мог сказать об авторе с солдатских позиций, с позиций человека, пережившего то же, что пережил автор.

Если бы я писал предисловие с такой позиции, а именно это Вы, в сущности, мне предлагаете в письме, то я бы попал в фальшивое положение. Я был в Одессе всего несколько дней, был корреспондентом, а не участником ее обороны в полном смысле этого слова, и в предисловии к книжке боевого разведчика, действительного участника обороны, мне упоминать о том, что я, дескать, тоже пахал, было бы уже совсем ни к чему — нескромно и неловко. А вот если военный человек напишет такое предисловие — это может составить предмет гордости для автора книги...»

В августе 1971 года «Горизонт», открывавшийся страницами из одесского дневника Симонова, вышел из печати. Экземпляр его я направил Константину Михайловичу.

А о судьбе Холыша не разузнал до сих пор. Довести это разыскание до конца считаю своим нравственным долгом.

Григорий ЗЛЕНКО

ОДЕССА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Письма
Константина Симонова